

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 1-го июня 1903 года.

Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ.

(1861—1901 г.)

Покойный Иннокентій Михайловичъ Сибиряковъ имѣетъ полное право на зачисленіе въ разрядъ выдающихся людей, память о которыхъ должна сохраняться при смѣнѣ поколѣній. Не будучи ни ученымъ, ни писателемъ или художникомъ, не будучи даже просто энергичнымъ промышленнымъ или общественнымъ дѣятелемъ, а лишь просвѣщеннымъ благотворителемъ, Сибиряковъ по своимъ личнымъ качествамъ и цѣлямъ, которыя преслѣдовала его благотворительность, представляетъ рѣдкаго человѣка, выдающагося надъ обычнымъ ординаромъ людей его материальнаго положенія. И. М. родился въ 1861 году въ Иркутскѣ, гдѣ фамилія Сибиряковыхъ издавна имѣла выдающуюся роль въ мѣстной жизни. Первобытное образование И. М. получалъ въ Иркутскѣ въ промышленномъ училищѣ. Въ 1883 году поступилъ въ Петербургскій университетъ, сначала студентомъ естественнаго отдѣла, а затѣмъ физико-математическаго факультета, а затѣмъ зачислился въ волнослушатели по факультету юридическому въ виду интереса къ социальнымъ наукамъ. Онъ стремился пополнить свои знанія какъ путемъ чтенія, такъ и при помощи заграничныхъ путешествій. Тогда же въ 80-хъ годахъ И. М. очень интересовался изученіемъ Сибири и собиралъ усердно по этому вопросу книги и разныя периодическія изданія. Библиотека эта содержала нѣкоторыя очень рѣдкія сочиненія.

Тогда же во второй половинѣ 80-хъ годовъ и позже И. М. особенно интересовался рабочимъ вопросомъ и приобрѣталъ по нему книги.

Получивъ въ наследство миллионныя капиталы и долю участія въ богатыхъ золотыхъ приискахъ Витимской системы, Сибиряковъ уже на студенческой скамьѣ былъ извѣстенъ какъ крупный благотворитель. Общество содѣйствія учащимся въ Петербургѣ сибирякомъ получало отъ него крупныя пожертвованія. Кромѣ того онъ имѣлъ и своихъ личныхъ стипендіатовъ; въ 1886 году количество ихъ доходило до 70. Массу пожертвованій онъ раздавалъ на разныя школы и просвѣтительныя учрежденія; часто пожертвованія эти направлялись отъ имени неизвѣстнаго лица. Всѣхъ пожертвованій его не перечтешь—отчасти за ихъ многочисленностью, отчасти за анонимностью. Въ настоящей статьѣ укажемъ лишь наиболѣе крупныя намъ извѣстныя. Болѣе 10.000 рублей пожертвовано на Минусинскій музей. Не менѣе 10 тыс. поступило на экспедицію Г. Н. Потанина въ Сы-чуань. 5000 пожертвовано для постройки народнаго дома въ Барнаулѣ; 1800 р.—на барнаульскую городскую библиотеку, значительная сумма—на ачинскую библиотеку. Томскому О—въ попеченія о начальномъ образованіи дано было на постройку для музея прикладныхъ знаній около 5 тыс. рублей.

350.000 пожертвовано на учрежденіе биологической лаборатории при императорѣ Лесгафта и на женскіе курсы при ней болѣе 400 тыс. руб. пожертвовано для выдачи пособій увѣчнымъ, больнымъ и утратившимъ трудоспособность рабочимъ на горныхъ и золотыхъ промыслахъ. Капиталъ этотъ находится нынѣ въ вѣдѣніи Общества вспоможенія рабочимъ горныхъ и золотыхъ промысловъ, открытаго въ Томскѣ.

Болѣе 10 тысячъ руб. дано было И. М. на извѣстную Якутскую экспедицію для собиранія этнографическихъ и разныхъ другихъ матеріаловъ. Въ этой экспедиціи принимала участіе группа талантливыхъ людей, заброшенныхъ въ предѣлы Сибири.

На средства И. М. издано нѣсколько книгъ, появленіе которыхъ возможно было лишь при материальной помощи друга науки и литературы.

Таковы „Сибирская библиографія“, въ 3-хъ большихъ томахъ, составленная извѣстнымъ нынѣ покойнымъ, библиографомъ В. И. Межовымъ. Сибиряковъ не только издалъ эти книги, но и оплатилъ щедро трудъ составителя. Историческое обозрѣніе Сибири Словова было переиздано И. М. На его же средства совершилъ поѣздку въ Сибирь извѣстный историкъ В. И. Семеновскій для собиранія матеріаловъ о положеніи рабочихъ на золотыхъ промыслахъ и издалъ по этому предмету книгу. На средства Сибирякова изданы покойнымъ Н. М. Ядринцевымъ сочиненія „Сибирскіе инородцы“ и „Сибирь какъ колонія“ 2-е переработанное и значительно дополненное изданіе. Сибиряковъ же далъ средства на изданіе сборника стихотвореній о Сибири подъ названіемъ „Сибирскіе мотивы“, на книгу „Черная вѣра“ и др. статьи Бонзарова, на „Верхоянскій сборникъ“ Худекова, на составленіе и изданіе книжки „библиографическій указатель статей о сибирской золотопромышленности“. На средства Сибирякова или при его материальной участіи издано было немало и

другихъ, значить нужно; если можно дать, т. е. если имѣются средства, то и нужно дать, не производи розыска“. Сибиряковъ нѣкоторое время находился подъ влияніемъ толстовскихъ идей.

Петербургская бѣднота осаждала своими просьбами И. М. и онъ рѣшилъ организовать особое бюро для оказанія денежной помощи, такъ какъ жизненные факты и окружающіе близкіе люди убѣдили его, что обращающіеся за помощью часто злоупотребляютъ довѣріемъ. Бывали случаи, когда къ И. М. обращались за деньгами отставные генералы и генералши—вдовы, живущіе на лучшихъ улицахъ Петербурга. Просили на приданое, на музыкальные инструменты, на приглашеніе къ дѣтямъ въ качествѣ учителей специалитовъ петербургскихъ знаменитостей артистическаго міра. Нѣкоторые просители и просительницы были крайне безцеремонны. Иногда Сибиряковъ оказывался прямо въ осадномъ положеніи и уклонялся отъ личнаго бесѣды съ посетителями, изъ коихъ 99% приходили къ нему только за деньгами. Нерѣдко застигнутый врасплохъ И. М., чтобы сократить бесѣду, прямо обращался съ вопросомъ: „вамъ сколько нужно?“ и вынималъ кошелекъ.

При денежныхъ просьбахъ онъ былъ крайне робокъ и застѣнчивъ, а порою прямо жалокъ. Онъ какъ бы стыдился своего богатства и чувствовать себя виноватымъ.

Лично и черезъ образованное бюро И. М. розданы не сотни тысячъ, а миллионы, но онъ однако не могъ не понимать, что и его громадные средства очень невелики въ сравненіи съ предвѣляемыми къ нему требованіями. Онъ хотѣлъ своими щедрыми жертвами облегчить тяжелую жизнь неизученныхъ. Желая получить нравственное удовлетвореніе, онъ, судя по его дѣявіямъ, какъ бы сознавалъ, что это его долгъ. Въ тоже время онъ не могъ не видѣть, что эти щедрыя жертвованія его—малая капля и ничуть не содѣйствуютъ хотя частичному разрушенію великаго мирового вопроса объ имущественномъ неравенствѣ. Есть основанія думать, что вопросъ этотъ сильно беспокоилъ И. М. и онъ не могъ найти выхода изъ тяжелаго положенія.

Кромѣ того Сибиряковъ хорошо понималъ, что на него смотрятъ почти всѣ, за рѣдкими исключеніями, какъ на золотой мѣшокъ и цѣнить въ немъ только богатство, а не личность. Это глубоко обижало его и не могло не отражаться на его мягкой доброй душѣ.

Въ это время мучительнаго раздумья Сибиряковъ начинаютъ окружать монахи и монахини и вести съ нимъ бесѣды о житейской суетѣ, о ничтожности человѣческой личности. И. М. какъ мягкая натура, быстро поддается новому, умѣло направленному вліянію, начинаетъ задумываться надъ религиозными вѣчными вопросами и по желанію „новыхъ друзей“ удаляется отъ старыхъ, уклоняется отъ общенія съ ними, и только нѣкоторые изъ нихъ еще приходятъ въ сношеніе съ нимъ. Это было въ половинѣ 90-хъ годовъ. Затѣмъ Сибиряковъ, религиозный экстазъ котораго начинаетъ рости прогрессивно, переселяется въ петербургское аэонское подворье, гдѣ и принимаетъ монашество, а затѣмъ уѣзжаетъ на Аюнь. Въ это время монахи такъ тщательно охраняютъ его, что доступъ къ нему безъ ихъ вѣдома и разрѣшенія становится невозможнымъ. Благотворительная дѣятельность его мнѣяется свой характеръ и изъ просвѣтительно-свѣтской ранѣ въ теченіе 10 лѣтъ перваго періода становится чисто религиозною.

На психику Сибирякова угнетающимъ образомъ повліяло еще стремленіе нѣкоторыхъ заинтересованныхъ въ его капиталахъ лишь признавать его умственно ненормальнымъ, въ доказательство чего приводили его щедрыя пожертвованія. Процедура опроса и освидѣтельствованія хотя и не дала желанныхъ для заинтересованныхъ результатовъ, но произвела тяжелое впечатлѣніе на И. М.

Изъ пожертвованій его втораго періода намъ извѣстны два крупныхъ: 150.000 рублей внесено

И. М. Сибиряковъ.

другихъ кромѣ перечисленныхъ книгъ. И. М. материально помогалъ Ядринцеву въ изданіи газеты „Восточное обозрѣніе“ и первыхъ литературныхъ сборниковъ при ней. Имъ же изданы первая дешовая собранія сочиненій Глѣба Успенскаго и Рѣшетникова, отчего эти писатели стали доступны и для небогатаго читателя. На средства Сибирякова воспитывались дѣти нѣкоторыхъ литераторовъ. Бывшіе стипендіаты и стипендіати его, получившіе образованіе въ Россіи и за границей, разсыяны сотнями по Сибири и Европ. Россіи. Такимъ образомъ Сибиряковъ далъ возможность очень многимъ молодымъ людямъ получить образованіе и встать въ ряды интеллигентныхъ работниковъ, чѣмъ оказалъ большую услугу не только лично имъ, но и всему русскому обществу. И. М. за свои щедрыя пожертвованія состоялъ почетнымъ членомъ очень многихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществъ какъ въ Россіи такъ и въ Сибири.

Въ началѣ 90-хъ годовъ Н. М. Ядринцевъ на средства Сибирякова устраивалъ даровыя столовыя и организовалъ медицинскую помощь въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая хлѣбной и охваченныхъ повальнымъ тифомъ. Значительныя суммы жертвовалъ И. М. и на переселенческія нужды.

Письма съ просьбами о материальной помощи получались Сибиряковымъ въ громадномъ количествѣ и очень многія изъ этихъ просьбъ удовлетворялись безъ проверки. У И. М. былъ періодъ, когда онъ разсуждалъ такъ: „если про

имъ вкладомъ въ одинъ изъ монастырей Нижегородской губернии, а въ Андреевскомъ монастырѣ на Афонѣ сооружеиъ изъ громадный храмъ стоимостью въ полмиліона. Въ этотъ второй періодъ И. М. порвалъ съ жизнью свѣтской, быть можетъ, надѣясь въ уединеніи монашеской кельи найти тотъ душевный покой и то нравственное удовлетвореніе, которыхъ онъ такъ жадно искалъ раньше и не нашелъ среди культурной жизни въ Петербургѣ и за границей.

Сталкиваясь съ массой нуждающагося народа, И. М. видѣлъ, что громадное большинство хлопочетъ только о себѣ и близкихъ, преслѣдуетъ цѣли своего личнаго благополучія и при достиженіи этихъ цѣлей часто не стѣсняется въ средствахъ вплоть до обмана включительно. Съ другой стороны, выслушивая отъ своихъ просителей массу разсказовъ о людской недобросовѣстности, эгоистичности и жестокости, И. М. какъ человекъ доброй и мягкой души, не могъ не возмущаться и отдѣльнымъ фактамъ давалъ обобщеніе болѣе ши-

бургскимъ извощикомъ. На холостой его квартирѣ не устраивалось ни торжественныхъ приемовъ, ни пышныхъ фестивалей. Милліонеръ жилъ какъ средней зажиточности скромный человекъ, въ то время какъ десятки и сотни тысячъ утекали на просвѣтительныя и благотворительныя цѣли. И. М. умеръ 9-го ноября 1901 года на Афонѣ, раздавъ при жизни все свои громадныя средства. Право участія своего въ золотыхъ приискахъ Витимской снетымы онъ продалъ еще за нѣсколько лѣтъ до смерти. Жизнь И. М. Сибирякова бѣдна внѣшними событиями—все она состоитъ лишь изъ огромной цѣли астовъ его матеріальной щедрости и проявленій его мягкой отзывчивой души. Этотъ человекъ, отдавшій все другимъ и сдѣлавшій массу реального добра, прожилъ алтруистомъ и въ этомъ отношеніи представляетъ яркій свѣточъ на фонѣ современной будничной жизни.

А. Головачевъ.

Поповъ, настойчиво принявшійся за поиски и едва не раззорившись, добился успѣха, отыскавъ драгоценный металлъ на рѣчкѣ Бирикутѣ притока р. Кнй, въ такъ называемой „Маринской тайгѣ“. Это открытіе создало новую эру въ жизни Сибири и если прежняя драгоценность нашей родины—мѣхъ, добывали чрезъ посредство инородца, то золото заставило самые разнообразныя элементы сибирскаго общества броситься въ самые глухія мѣста ея, въ дремучіе лѣса и недоступныя горы. Золото находилось тамъ, гдѣ было пустынно, куда не шель русской пахарь крестьянинъ, которому нужны были пахотныя земли. Онъ заселилъ обширныя равнины Западной Сибири и ровныя площади въ долинахъ большихъ рѣкъ Восточной Сибири; горы, покрытыя густою тайгою, не привлекали его и тамъ жилъ по прежнему только одинъ звѣроловъ инородецъ. А тамъ-то, въ долинахъ между этими горами и находилось золото. И вотъ, когда русскіе люди провѣдали объ этомъ,

Работы на приискахъ въ Кузнецкой тайгѣ.

„Сибирь—золотое дно“.

рокое, чѣмъ слѣдовало. Это не могло не оставлять горькаго осадка на душѣ его и не подрывать вѣры въ хорошую свойства человѣческой природы.

Сибиряковъ по характеру своему замкнутой и застѣнчивой рѣдко дѣлился этими думами съ близкими ему интеллигентными людьми и потому не получалъ необходимой ему поддержки. Болѣзненно настроенная мысль работала по неправильному пути, не будучи въ состояніи объективно и критически разбраться въ громадномъ матеріалѣ. Сибиряковъ не велъ широкой общественной жизни, не принималъ участія въ разнообразныхъ общественныхъ кругахъ и потому его мысль не вращалась въ широкомъ разнообразіи общественныхъ дѣлъ, а лишь это разнообразіе можетъ предохранить доступную вліяніямъ душу отъ развитія какой нибудь идее фикс. Робость и застѣнчивость И. М. были прямо непреоборимы для него. Въ своей личной жизни Сибиряковъ былъ очень скромнень. Имѣя возможность жить какъ вельможа въ барскомъ особнякѣ, окруженномъ швейцариками, И. М. занималъ небольшую квартиру средняго по достатку петербуржца. Изъя средства содержать собственныхъ лошадей и экипажи, Сибиряковъ довольствовался простымъ петер-

Когда первые русскіе искатели новыхъ земель двинулись въ Сибирь и покорили одно за другимъ инородческія племена, главной приманкой для нихъ были дорогіе пушные мѣха въ изобиліи водившагося въ тѣ времена въ Сибири пушного звѣря. Сибирь привлекла отважныхъ искателей богатства, какъ „страна мѣховъ“ и лишь позже уже въ XVIII в. русскіе заинтересовались ея минеральными богатствами, когда пушныхъ звѣрей поубавилось вслѣдствіе безпощаднаго хищническаго истребленія ихъ. Въ XVIII в. открылись серебряныя рудники на Алтаѣ и ихъ процвѣтаніе приходится на этотъ именно вѣкъ. Въ девятнадцатомъ вѣкѣ они пришли въ упадокъ, потому что напелая въ Сибири другой болѣе цѣнный продуктъ ископаемаго царства, а именно—золото, и тогда-то Сибирь оправдала свою репутацію „золотого дна“.

Золото въ Сибири было открыто въ 1828 году Томскимъ купцомъ Федотомъ Поповымъ, хотя слухи о его существованіи циркулировали и раньше между сибирскимъ населеніемъ, но только

они кинулись туда, забрасывая въ погонѣ за наживой свои исконныя занятія, которыми занимались всю свою жизнь. Сибирскіе золотопромышленники вышли изъ купцовъ, крестьянъ, чиновниковъ, ссыльныхъ и т. п.

Въ глухихъ мѣстахъ закинула жизнь, своеобразная, непохожая на жизнь сибирскихъ сель и городовъ; образовался особый классъ „присаителей“. Одинъ за другимъ открывались золотопромышленные районы, сначала въ Томской губ., потомъ въ Енисейской, Якутской обл., въ Забайкальѣ и на Амурѣ; близкія богатства выработывались, но за то открывались другія. Количество добываемаго золота изъ года въ годъ увеличивалось, достигнувъ своего максимума въ 50-хъ годахъ, а потомъ пошло на убыль, такъ какъ наиболѣе богатые россыпи были выработаны, а новыхъ районовъ не открывалось и лишь въ самые послѣдніе годы сибирской золотопромышленности, какъ бы застывшей въ одномъ положеніи, блеснула лучъ надежды на новый подъемъ.

Для добычи золота выработался рядъ приемовъ болѣе или менѣе одинаковыхъ для всей Сибири. Прежде всего въ той мѣстности, гдѣ обнаружено присутствіе золота, производятъ развѣдку

т. е. выбивают попереку рѣчной долины отъ увала до увала въ одну линію рядъ шурфовъ, т. е. колодезь, и вынутую изъ нихъ землю промываютъ на особыхъ приборахъ, называемыхъ бутарами, для отдѣленія золота. Количество добытаго золота и количество вынутаго изъ шурфа земли тщательно записываютъ. Такихъ линій шурфовъ выбивается нѣсколько на выбранномъ участкѣ и затѣмъ, соорба добытому изъ нихъ количеству земли, опредѣляется содержание золота въ кубической сажени и вообще количество его во всей избранной для разработки площади. Дорогая операція развѣдки золотоносной площади является необходимой для опредѣленія количества золота, толщины "турфа" (т. е. верхняго не содержащаго золота слоя земли) и "пласта", т. е. золотоноснаго пласта, а также для направленія самой выработки, которая идетъ отъ линіи къ линіи, направляясь на болѣе богатые золотомъ шурфа.

Самая добыча золота состоитъ собственно изъ двухъ главнѣйшихъ операцій: добычи земли и промывки ея. Добыча золотоноснаго пласта можетъ быть или открытой или подземной. Если золотоносный пластъ залегаетъ не глубоко, то верхніе слои снимаются и отвозятся въ сторону, а затѣмъ уже добывается самый пластъ и подвѣргается промывкѣ. Если же торфа слишкомъ велики, то производится подземная работа посредствомъ "орты", т. е. подземныхъ корридоровъ, укрѣпленныхъ деревянными стойками съ попереку наверху. Добывается золотоносный пластъ въ Сибири исключительно ручнымъ способомъ, безъ примѣненія, какъ въ другихъ странахъ, механическихъ способовъ. Выемку земли производятъ рабочіе посредствомъ лома, кайлы и лопаты. Самая выработка называется "разрѣзомъ"; та стѣнка ея, около которой работаютъ, "забоетъ", боковыя стѣнки — бортами. "Забойщикъ" — рабочій, работающій у забоя, исполняетъ самую трудную и важную въ присковомъ дѣлѣ работу. Разрыхленную кайлою землю складываютъ въ таратайки и отвозятъ на промывальную машину.

Золотопромывальные машины въ Сибири обыкновенно имѣютъ водяные двигатели, т. е. простыя напавныя колеса. Крутяя горныя рѣчки даютъ возможность хорошо воспользоваться силой текучей воды для этой цѣли, не прибѣгая къ устройству прудовъ. Паровые двигатели сравнительно рѣдки, уже по одному тому, что очень дорого стоитъ ихъ доставка къ глухимъ таежнымъ мѣстамъ, почти безъ всякихъ путей сообщенія. Самыя промывальные машины выработались практикою двухъ типовъ: "бочка" и "чаша". Бочка состоитъ изъ опрокинутого горизонтально-вращающагося, желѣзнаго цилиндра, въ который черезъ особый блокъ изъ таратаекъ сваливается золотоносный "пластъ" и обильно орошается водою. При вращеніи бочки "пластъ" разбивается о стѣнки ея и постепенно подсыпается къ другому ея концу, такъ какъ бочка къ этому концу нѣсколько шире, вода омываетъ каждый камешекъ и песчинку и всѣ мелкія гальки, песокъ и глина, смѣшавшіеся съ водою, проваливаются сквозь круглыя отверстія, которыми устьяны вся бочка, а крупныя камни, не проходящіе въ дырочки, выходятъ съ открытаго конца бочки вонъ. Золото также проваливается съ мелкой галькой и водою въ отверстія и попадаетъ на шлюзъ, т. е. на наклонную плоскость, перегородженную особыми поперечными брусками и тогда какъ болѣе легкая галька и песокъ уносятся водою, оно вслѣдствіе своей тяжести остается на шлюзѣ. По окончаніи промывки весь накопившійся на шлюзѣ матеріалъ подвергается окончательной обработкѣ на "вашергѣ". Здѣсь уже золото окончательно отдѣляется отъ посторонняго матеріала. Промывальная машина, называемая "чашей", состоитъ изъ горизонтально-укрѣпленныхъ желѣзныхъ листовъ съ отверстиями, по которымъ двигаются кругообразно желѣзные

песты, называемые "соддатами" и перетираютъ "пластъ", орошаемый со всѣхъ сторонъ водою. Подъ чашей устривается, какъ и подъ бочкой, шлюзъ. Чаша примѣняется тогда, когда "пластъ", крѣпкій, связный, "мясиковатый" по присковому терминологіи, а бочка при болѣе рассыпчатыхъ — "промывистыхъ" породахъ.

Техническая прогресса въ сибирской золотопромышленности почти не замѣчалась, хотя пробовали примѣнять напр. рельсовые пути и вагоны для доставки псковъ отъ забоя къ машинѣ, устанавливали паровые двигатели, пульсометры, но все это въ ограниченномъ размѣрѣ. Главнымъ препятствіемъ было отсутствіе путей сообщенія. Дорогая машина можетъ напр. остановиться изъ-за поломки какой нибудь незначительной части, достать которую можно только изъ за тысячи верстъ, а дѣло тѣмъ временемъ должно стоять и давать убытки. Поэтому-то сибирская практика выработала такой типъ золотопромывальни, который могъ быть осуществленъ самыми простыми средствами, работой простаго плотника, слесаря и кузнеца, изъ имѣющихся на лицо матеріаловъ, т. е. главнымъ образомъ въ изобиліи рстущаго дерева и разныхъ сортовъ желѣза.

Присковая резиденція въ Кузнецкой тайгѣ.

Присковая жизнь сложилась, какъ и всякая другая, въ свой круговоротъ, совершающійся въ неизмѣнномъ порядкѣ. Разъ развѣдывая площадь предвзначается къ разработкѣ, то-первымъ долгомъ строятся на прискѣ жилища для служащихъ и рабочихъ, амбары для присаговъ, завозятся эти присага, а затѣмъ присковые служаки отправляются въ деревни за наемкой рабочими. Въ прежнее время главнымъ поставщикомъ рабочей силы былъ Маринскій округъ Томск. губ., и изъ него шель преимущественно сельский, бездомный людъ. Сильный элементъ несомнѣнно сыгралъ большую роль въ выработкѣ характернаго типа присковаго рабочаго и выработкѣ тѣхъ отношеній между хозяиномъ и рабочими, которые характеризуютъ сибирскую золотопромышленность. Съ теченіемъ времени выработался постоянный контингентъ присковыхъ работниковъ, живущихъ на прискахъ изъ года въ годъ и выѣзжающихъ въ "жидое мѣсто" только въ разсчетъ, т. е. послѣ 1-го октября, чтобы предаться беззаботному разгулу на заработанномъ на прискахъ деньгахъ. Прокрутивши все, рабочій опять подписывалъ контрактъ къ тому же или къ другому хозяину, бралъ задатки, часто очень крупныя и на эти задатки опять кутилъ. Затѣмъ партія рабочихъ отправлялась въ тайгу. На прискахъ рабочіе живутъ въ казармахъ, общихъ помѣщеніяхъ, съ нарами по стѣнамъ, всѣ вмѣстѣ семейные и холостые. Тутъ же готовятъ себѣ пищу, тутъ же сушатъ одежду и обувь сильно промокшую. Содержаніе выдается по положенію, а если желать рабочій, то сверхъ того можетъ брать въ счетъ жалованья изъ присковаго магазина. Вино выдается въ ограниченномъ количествѣ по праздникамъ и въ экстренныхъ случаяхъ въ видѣ поощренія или награды. При отсут-

ствіи всякихъ развлеченій и тяжелой работѣ среди присковыхъ рабочихъ и служащихъ сильно развито пьянство, а невозможность удовлетворить свою страсть разведло въ тайгѣ особый промыселъ "спиритонство", т. е. тайную доставку спирта на приски и тайную покупку его по невѣроятной дорогой цѣнѣ рабочими.

Въ настоящее время сибирская золотопромышленность переживаетъ переходный періодъ. Богатая розсыпи уже выработались, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ уже районахъ. Новые районы могутъ открыться только изъ русскихъ предѣловъ (въ Манчжуріи, въ Монголіи) или на дальнемъ сѣверѣ (по Алдану, по Нижней Тунгускѣ, въ Камчаткѣ), а болѣе бѣдные розсыпи могутъ дать прибыль только при уменьшеніи расходовъ разработки. Расходы же эти могутъ уменьшиться только при совѣтѣ новыхъ техническихъ приемахъ, уже практикуемыхъ другими странами, такъ какъ рабочая сила годъ отъ году дорожаетъ. Со стороны рабочихъ предъявляется къ предпринимателямъ новыя требованія, отчасти какъ отголосокъ общерусскаго рабочаго движенія, которое въ послѣдніе годы развивается въ Россіи, отчасти какъ настоянія со стороны администраціи, ведущей примирительную политику между предпринимателямъ и рабочими, чтобы не допустить развитія среди послѣднихъ оппозиціоннаго духа.

Подъ влияніемъ этихъ обстоятельствъ, отчасти же подъ влияніемъ проведенія желѣзной дороги, дающей возможность выисывать и заказывать новыя технические приборы, сибирскіе золотопромышленники за послѣднее время обратились къ новымъ способамъ разработки золотыхъ розсыпей, а именно посредствомъ драгъ и гидравлическимъ способомъ. Относительно ихъ мы поговоримъ въ другой бесѣдѣ, а теперь упомянемъ, что новую эру въ сибирской золотопромышленности считать даже не зтогъ технической прогресса, а открытіе и разработка рудныхъ мѣсторожденій, которые то тамъ, то сямъ начинаютъ эксплуатироваться по Сибири съ возрастающимъ успѣхомъ. Отъ этого именно дѣла опять возможны приобрѣтенія крѣзовскихъ богатствъ и оживленіе тайги.

Сказки для взрослыхъ.

ЖБ А Б А.

"Ква, ква, ква", раздавалось въ саду докучливое кваканье жабы. Она выѣзла теплымъ лѣтнимъ вечеромъ посидѣть на мягкой травѣ и полюбоваться, какъ луна отражается въ пруду, кругомъ обросшемъ тростникомъ, алггами и кушничками. "Ква, ква, ква!" квакала жаба, широко разставивъ уродливыя лапы и вытаращивъ свои большіе, глупые глаза на луну.

Она любила, когда спадала дневная жара и все кругомъ стихало, выйти изъ пруда и сидѣть въ травѣ, прислушиваясь къ раздающимся вокругъ нея звукамъ, и любовясь густою зеленью сада. Иногда она отживалась съдѣлать нѣсколько прыжковъ по дорожкѣ до того мѣста, гдѣ были кусты вѣжныхъ цвѣткв. Она любовалась ими и вдыхала ихъ ароматъ, хотя и не рѣшалась подойти къ нимъ слишкомъ близко съ тѣхъ поръ, какъ неосторожнымъ движеніемъ своего тяжелаго, неуклюжаго тѣла смяла одинъ изъ этихъ обожаемыхъ ею цвѣткв.

Она любила природу, любила все прекрасное и умѣла имъ наслаждаться. Лучшимъ временемъ ея жизни были темныя майскія ночи, когда соловей въ кустахъ шелкалъ, свѣталъ и закатывался. Жаба до того заслушивалась его, что забывала даже о своемъ собственномъ уродствѣ, которое, къ тому-же, скрывалось для нея темнотою, и потому-то въ

эти ночи она чувствовала себя счастливѣйшимъ существомъ въ мѣрѣ.

По въ свѣтлые весенніе и лѣтніе вечера, какъ тотъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, она обыкновенно предавалась меланхолическимъ размышленіямъ и тяжелымъ воспоминаніямъ. Она смотрѣла на звѣзды, на луну. Эта послѣдняя, какъ магнитъ, притягивала къ себѣ жабу взоры; жаба не могла оторвать отъ нея глазъ и почему то, въ то время какъ она смотрѣла на луну, ей хотѣлось всегда квакать, квакать и квакать...

— Какъ хорошо кругомъ, думала жаба, какъ красиво это темное небо, уединенное мірадами звѣздъ, этотъ тихій родной прудъ, окруженный стройными гибкими тростниками, какъ красиво вырисовываются верхушки высокихъ деревьевъ, въ лунную ночь, и луна, волшебница луна! Какимъ чуднымъ, мягкимъ свѣтомъ освѣщаетъ она садъ и серебрить поверхность пруда!

И среди этой восхитительной природы, среди этого сада, гдѣ все дышетъ поэзіей, цвѣтетъ и развивается въ спокойномъ сознаніи собственной красоты,—я, я одна, нарушаю общую гармонию, являюсь темнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ со своимъ неуклюжимъ тѣломъ, тяжелыми прыжками и рѣзкимъ кваканьемъ. Почему, когда все такъ хорошо, я такъ уродлива? Всѣ меня избѣгаютъ, сторонятся, ненавидятъ. За что? Я, кажется, не признаю зла... Мое уродство внушаетъ даже страхъ.

Большее всего удивляло жабу отношеніе къ ней людей. Однажды она слышала, какъ хозяйка сада отказывалась идти къ пруду, говоря своей дочери, что она никогда не будетъ ходить въ эту часть сада, потому что „тамъ есть жаба“. Какъ будто несчастная жаба могла быть опасна для этой большой, сильной женщины!

А ее дочка, эта прелестная молодая дѣвушка, которая такъ любить все въ саду, которая, какъ жаба, засиживается лѣтними вечерами около пруда, любящая небомъ, луною и всей природой, эта милая дѣвушка, у которой для каждого находится ласковое слово, которая каждого съумѣетъ утѣшить, приласкать, каждого можетъ согрѣть своимъ свѣтлымъ, добрымъ взглядомъ,—и она, увидя жабу, могла только съ отвращеніемъ воскликнуть „какая гадость!“ и поторопидась пройти мимо. Молодой офицеръ, сопровождавшій дѣвушку, сталъ наускивать на жабу свою рыжую собаченку, она чуть не разорвала жабу, и даже тутъ въ дугѣ доброй молодой дѣвушки не пробудился ни малѣйшей жалости къ жабѣ, дѣвушка ласкала собаченку, гладила и трепала своей нѣжной рукой ее лохматую голову, приговаривая: „славный песикъ, какіе у тебя хорошіе глаза!“

Разъ вечеромъ молодая дѣвушка пришла къ пруду со своей подругой, возбужденная, съ блестящими глазами, слегка зарумянившимися щеками,—она была въ этотъ вечеръ восхитительна. Жаба смотрѣла на нее изъ-за куста и слушала.

Дѣвушка говорила, обнимая подругу и опустивъ голову на ея плечо: „Если бы ты знала, Аня, какъ я сегодня счастлива, какъ мнѣ хорошо, мое сердце переполнено счастьемъ и любовью! Я весь мѣръ хотѣла-бы захватить въ свои объятія, всѣхъ несчастныхъ и страдающихъ, чтобы всѣ были счастливы вмѣстѣ со мною! Я люблю всѣхъ, всѣхъ, все существующее!“

Въ этихъ словахъ было столько сердечности и теплоты, что искра надежды блеснула передъ жабой, ей захотѣлось согрѣться около дѣвушки, отвѣдать счастья ея близости. Тихо вышла жаба изъ-подъ куста, приблизилась къ скамьѣ, на которой сидѣла дѣвушка и—о дерзость! рѣшилась даже сесть на подолъ платья той любящей молодой дѣвушки, слова которой такъ тронули ее.

Бѣдное, холодное существо отогрѣвалось среди нѣжныхъ складокъ платья, отъ котораго пахло знакомымъ жабѣ запахомъ фиалокъ. Затанувъ дышать, неподвижно сидѣла жаба, слухая мелодичную рѣчь дѣвушки, а эта послѣдняя разсказывала о своей горячей любви ко всему міру и... къ офицеру.

Очарованная близостью молодой дѣвушки и ея словами, жаба едва вѣрила своему счастью: дѣвушка не оттолкнула ее. Но счастье это, дѣйствительно, продолжалось не долго... Какъ только дѣвушка замѣтила жабу, она вскоочила, рѣзкимъ движеніемъ сбросила жабу, говоря: „фу, гадость, убирайся!“ и побѣжала за своей подругой, которая съ крикомъ и визгомъ убѣжала, только жаба была злымъ чудовищемъ, собиравшимся ее проглотить.

Ошеломленная, растерянная, сидѣла жаба на дорожкѣ, не понимая, что же значили слова „люблю всѣхъ, всѣхъ, все существующее“, гдѣ же всеобъемлющая любовь дѣвушки? „Или, думала жаба, мое существованіе не въ счетъ?“...

Если бы жаба могла плакать, ей, можетъ быть, стало-бы легче, но она не умѣла плакать, она сидѣла, вытаращивъ глаза, какъ бы пришибленная всѣмъ происшедшимъ, придавленная тяжестью своего одинокаго, лишиго существованія.

Съ этихъ поръ жаба стала еще больше сторониться людей, старательно избѣгая показываться имъ на глаза; они даже забыли о ней думать, но въ тотъ теплый лѣтній вечеръ, о которомъ мы разсказываемъ, произошло роковое событіе.

Въ то время, какъ возлѣ пруда жаба, растопыря уродливые лапы и выпучивъ глаза на луну, предавалась тяжелымъ воспоминаніямъ, какъ острый ножъ вонзавшимся въ ея маленькое набѣдѣвшее сердечко, на другомъ концѣ сада, на краю террасы большого дома, сидѣла молодая дѣвушка. Поджавъ подъ себя свои маленькія ноги, прислонившись головою къ периламъ, она она тоже смотрѣла на луну своими прекрасными глазами, полными грусти. Она какъ и жаба предавалась грустнымъ размышленіямъ, у нея на то были свои причины...

Долго сидѣла она неподвижная на террасѣ, пока луна не стала прятаться за высокія сосны, тогда дѣвушка встала, вошла въ гостиную и широко раскрывъ дверь на террасу, съѣла за давно заброшенный ею рождѣ.

Раздалось нѣсколько сильныхъ, могучихъ аккордовъ, которые громко разнеслись по саду и замерли... А за ними мягкіе, нѣжные звуки изъ-подъ быстрыхъ пальцевъ. Въ этихъ звукахъ слышались стоны набѣдѣвшей души, мучительный вопль „зачѣмъ?“ и ропотъ, возростающій до возмущенія, до негодованія, и вдругъ на смѣну и какъ бы въ отвѣтъ на это негодованіе раздались нѣжная, восхитительная, ласкающая мелодія—пѣсня любви и состраданія.

При первыхъ, раздавшихся въ саду аккордахъ, жаба у пруда встрепетала и стала прислушиваться къ этимъ чуднымъ звукамъ. „Откуда они? что это такое? кто-то такъ-же страдаетъ, какъ и я? кто-то понимаетъ меня, говоритъ со мною?“...

Забывъ обо всемъ окружающемъ и о своемъ стараніи избѣгать людей, упоенная неслыханными ею дотождѣ звуками, она незамѣтно для себя самой, прыжкомъ за прыжкомъ, добралась на другой конецъ сада, вошла на террасу,—еще прыжкомъ и, перепрыгнувъ порогъ, она очутилась въ большой гостиной, вблизи источника тѣхъ звуковъ, которые кружатъ ей голову, звуковъ полныхъ любви и состраданія. Они несутся къ ней, къ ней, такъ жаждавшей любви, охватываютъ ее, чаруютъ, ласкаютъ ее—ее, безобразную, отвергнутую всеми жабу! Она, значитъ, тоже можетъ испытать въ жизни счастье ласки и любви... „Ква!“ не удержалась жаба,—и вдругъ нѣжная мелодія оборвалась рѣзкимъ неприятнымъ звукомъ, застывшимъ жабу очутилась, дѣвушка съ крикомъ выскочила съ террасы, она упала, изъ сосѣдней комнаты приблизилась мать дѣвушки, въ дождь пошла въ садъ, дѣвушка чуть не плакала. Прибѣжавшая горничная съ бранью сбросила жабу съ высокой террасы въ садъ, въ средину колючихъ кустовъ шиповника.

Еще живая, окровавленная, со сломанной ладкой лежала жаба и слушала свой приговоръ: барыня наказывала кучеру Степану во что-бы то ни стало на слѣдующій день разыскать въ саду жабу и убить ее.

„Да, подумала жаба, это не будетъ ему стоить большого труда“.

„Сво Кр.“

Людм. Чехова.

ПОПРАВКА.

Въ предъидущемъ номерѣ статья „Шаманы и шаманствъ“ начинается словами: „Бульварное мѣсто“; слѣдуетъ читать: „Вульгарное мѣсто“.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

ВСѢ ЗНАТОКИ

ѢЗДЯТЪ

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ВЕЛОСИПЕДАХЪ

„ДУЖСЪ“

Единственный представитель

П. РУКАВИШНИКОВЪ.

Томскъ, Духовская, № 3-й.

ВНОВЬ ОТКРЫТА,
оборудованная новѣйшими аппаратами

ФОТОДИНКОГРАФІЯ

Принимаетъ заказы на изготовленіе

МѢДНЫХЪ и ЦИНКОВЫХЪ ПЛИШЕ
для всевозможныхъ иллюстрацій и рекламъ

Цѣныны отъ 20 коп. за кв. дюймъ—за изготовленія пливше съ рисункомъ перомъ, отъ 25 коп. за кв. дюймъ, за кв. дюймъ—за рисунки перомъ, отъ 40 коп. за кв. дюймъ—за рисунки кистью. Фотографія и фотографія (мелкія пливше) отъ 10 коп., то платится за кв. дюймъ.

Сказы высылаются по первому требованію.

Исполненіе заказовъ БЫСТРОЕ и АККУРАТНОЕ.

Заказы адресовать: Томскъ, Фотодинкографія П. И. Макушина

НА ПРОКАТЪ

Рояли и Піанино.

Музыкально-инструментальн. торговля П. И. Макушина въ Томскѣ.